

**«СТРАНСТВУЮЩИЕ» СОФИСТЫ
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОВИНЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ ЛИБАНИЯ)**

Либаний — знаменитый ритор и преподаватель ораторского искусства, крупнейшая литературная величина IV века. Его автобиография, речи, письма дают в распоряжение исследователей уникальную информацию об организации процесса обучения в высших риторических школах восточных провинций Римской империи: о механизме достижения профессорской кафедры, специфике пополнения учебных заведений новыми слушателями, об отношении городского населения к талантливым софистам и высшей ступени образования в целом. Данная статья посвящена первому этапу становления профессиональной карьеры Либания — его деятельности в качестве «странствующего» ритора в крупнейших центрах Римской империи: Афинах, Константинополе и других.

Либаний — знаменитый ритор и преподаватель, крупнейшая литературная величина IV века. Его причисляют к последним риторам языческой античности, к учителям красноречия многих последующих поколений¹. Известны имена 134 его учеников². Из его школы вышло немало христианских ораторов и проповедников, например, Иоанн Златоуст.

Либаний был одним из самых плодотворных писателей своего времени. Ему принадлежат 64 речи, написанные на современные темы, 51 декламация, свыше полутора тысяч писем выдающимся представителям Римской империи IV века, включая императоров, уникальная автобиография «Жизнь, или О своей судьбе» (далее — «aut»). До наших дней сохранилось почти все его литературное наследие (случай редкий!), которое справедливо оценивается как «целостный комплекс сведений о многих сторонах жизни восточноримского общества, его идеологии и культуры»³.

Сочинения Либания были введены в научный оборот в начале XX века. Единственный перевод его произведений на

русский язык был осуществлен деканом историко-филологического факультета Императорского Казанского университета С. Шестаковым⁴. Блестящий знаток греческого языка С. Шестаков отмечает, что сочинения Либания являются одним из самых живых предметов в позднегреческой литературе IV века, которая, в отличие от латинской, не свидетельствует об упадке духа и античной культуры; напротив, она демонстрирует самые живые очаги интеллектуального движения, в котором сохранились традиции классического греческого наследия и в то же время формируется фундамент византийской культуры⁵. С. Шестаков сетует на то, что Либаний, несмотря на его заслуги в позднеантичной софистике и литературе, не принадлежит к числу авторов, к которым обращаются особенно охотно и часто. Он объясняет это тем, что историк в поисках нужной информации «тонет» в словообильности риторических излияний Либания; филологов затрудняет искусственность стиля ритора, запутанные фразы, фигуральные выражения, намеренная неопределенность высказываний⁶. Одна-

ко, осознавая значение приведенной Либанием информации для научных исследований, С. Шестаков делает очень тщательный перевод, сопровождая его основательными комментариями как стилистического, так и смыслового содержания.

В отечественной историографии творчество Либания стало предметом пристального изучения в 60-е годы XX века. Речи и письма рассматривались как ценный источник для изучения восточных провинций Римской империи и всей римской державы в период ее кризиса⁷, как важные свидетельства о жизни позднеантичного города, прежде всего, на материале родины Либания — Антиохии⁸. Либаний был привлекателен как «подлинный столп красноречия IV в.»⁹ и как «последний идеолог муниципальной аристократии»¹⁰. Из этого перечня направлений научных исследований литературного наследия Либания видно, что в поле зрения специалистов оказались проблемы социально-экономического развития античной цивилизации, состояния общественно-политической мысли в Восточной Римской империи, отдельные аспекты культуры Византии. Столь разнообразный спектр научных ориентиров, связанных с изучением творчества Либания, действительно подтверждает уникальность привлекаемого историками для анализа источника. Среди публикаций мы не найдем, однако, материалов, посвященных изучению педагогического опыта Либания¹¹. Вместе с тем он проработав более 45 лет на преподавательском поприще сначала частным «странствующим» ритором в Афинах, Константинополе, Никее, Никомедии, затем официальным (назначенным императором) ритором Антиохии, является незаменимым свидетелем организации работы высших риторических школ в восточной грекоязычной, эллинизированной части Римской империи.

Профессии преподавателя посвящены следующие речи Либания: «К юношам о слове», «К юношам о ковре», «Против тех, кто издевались над ним за его пре-

подавание», «К тем, кто назвали его несносным», «В ответ на попреки педагога», «К тем, которые не держат речей», «О контрактах», «К антиохийцам, за ритором». Информация о деятельности преподавателей и работе высших школ «рассеяна» и в других речах Либания, непосредственно не связанных с темой его выступления, в его письмах (далее — ер., ерр.) и автобиографии. Изучив этот пласт литературного достояния антиохийского оратора, мы получаем богатейшую информацию «внутреннего содержания» об образовательно-воспитательном процессе в поздней империи: о программе обучения в «средних» и высших риторических учебных заведениях, о механизме достижения профессорской кафедры¹², о специфике пополнения учебных заведений новыми слушателями, о карьере и личной жизни преподавателей, психологическом климате, царившем в высшей школе. Мы можем оценить отношение к образованию, в том числе к высшему, элиты восточноримского общества и жителей городов. Выделенные аспекты исследования литературного и эпистолярного творчества Либания составляют содержание нашей статьи.

Либаний родился в Антиохии — столице римской провинции Сирия в 314 году. Антиохия в это время была третьим по численности населения и культурно-историческому значению центром восточных провинций. До превращения Константинополя в столицу Римской империи она вместе с Александрией претендовала на эту роль¹³. Численность населения города Антиоха, эллинистического владыки, составлявшая около 300 тыс. человек, до V века превосходила даже Константинополь. Антиохия была крупнейшим культурным и торговоремесленным центром греческого Востока. Город играл также важную роль в административно-политическом устройстве империи: он был центром гражданского управления и военного командования восточных провинций. По классификации городов на большие, средние и ма-

лые, произведенной императором Антонином Пием (138–161), он, без сомнения, принадлежал к категории «больших», что обязывало муниципальные власти Антиохии освободить от повинностей и наделить жалованьем из городской казны 10 врачей, 5 риторов и 5 грамматиков (Cappitulum. Ant. Pius. 11).

Семья Либания принадлежала к верхушке муниципальной аристократии города. Либаний в автобиографии с гордостью говорит о себе как о гражданине великого и именитого города, называет свой род «по образованию, богатству, хорегиям, состязаниям, речам» самым видным в величайшем городе (там же). Однако благосостояние семьи было подорвано императором Диоклетианом (284–305): преследуя антиохийскую знать за учиненные ею беспорядки, он казнил немало членов курии (городского совета), среди которых оказался дед Либания по линии отца. Имущество семьи было конфисковано, и, хотя впоследствии оно частично было возвращено, родственники Либания, в частности его отец, уже не могли играть прежней роли в политической судьбе и идеологической жизни Антиохии.

Разорение семьи, впрочем, не отразилось на образовании Либания. Одной из семейных традиций была «заботливость об образовании сыновей». Ее поддерживал и дед Либания по линии матери, который сам был ритором по профессии (aut. 3), и его мать, рано овдовевшая, но не жалевшая денег на наставников для своего не очень добросовестного в учебе и не очень трудолюбивого сына (aut. 4).

В 15-летнем возрасте Либанием «овладела горячая любовь к красноречию» (aut. 5). Забросив все свои утехы и забавы, он начинает посещать грамматическую школу, называя себя «учеником счастливым» (aut. 8). Грамматические школы были второй ступенью образовательно-воспитательного процесса в Римской империи. Первую ступень — элементарное образование — Либаний, как это следует из его автобиографии, прошел не в низшей школе, дидакалейоне, а

под руководством наставников в своей семье, что было давнишней традицией элитарных слоев населения любого города каждой римской провинции.

В грамматической школе изливали «красоту словес» (aut. 8). Программа обучения в грамматических школах заключалась в приобретении навыков лексики, грамматики, синтаксиса, которые позволяли правильно строить фразы, а также в выработке приемов комментированного чтения литературных и исторических произведений. Главной целью существования грамматических школ было приобщение молодого поколения к культурному наследию своего народа. Хотя Либаний рассказывает о пяти годах, проведенных в школе второй ступени лишь вскользь, из его писем и речей мы узнаем о литературных пристрастиях в греческих центрах «среднего» образования того времени. Предметом особо пристального внимания был Гомер. Либаний знал Гомера наизусть, декламировал его ежедневно (ep. 1239); критика Гомера встречается в письме Либания к святому Василию (ep. 1590). Гомер, наряду с Демосфеном, составляли стержень его образовательной «программы» (ep. 812, 828).

Кроме Гомера в грамматических школах изучали Гесиода, знаменитых трагиков, особенно Еврипида. Из мастеров комедийного жанра предпочтение отдавали Аристофану, из историков — Фукидиду (aut. 148), из философов — Платону¹⁴.

Заметим, что в Антиохии уже в первой половине IV века, задолго до разрушения территориальной целостности Римской империи (это произойдет в 395 году), не изучались ни римские писатели и поэты, ни латинский язык. Либаний не знал латыни, хотя его родственники свободно изъяснялись на этом языке. В отсутствии интереса к римской истории и культуре проявляются безразличие восточной знати к ценностям и традициям западных областей империи, истоки византийского «национализма», усиливающаяся с течением времени тенденция к сепаратизму восточных провинций.

Методы работы в грамматической школе также скупно излагаются Либанием. Из фразы автобиографии «я дал отдых душе от творчества, а языку — от речей, руке же — от письма, занимался только одним, заучивая наизусть произведения древних» (aut. 8) следует, что методика обучения в грамматической школе состояла из записей комментариев к тексту произведения, анализ которого проводился, как правило, учителем. К лекционным формам работы добавлялись творческие задания, направленные на развитие речи. В целях совершенствования памяти учеников много внимания уделялось заучиванию наизусть и последующей декламации выученного текста.

По обоюдному согласию учителя и ученика возможны были дополнительные занятия. Либаний сообщает, что привязанность его к одному из грамматиков, «одаренному чрезвычайной памятью и способному делать юношей сведущими в красотах писателей» (aut. 8), заставляла его «преследовать» учителя после «уроков», настаивая на дополнительных занятиях.

Проучившись в грамматической школе пять лет, Либаний решил посвятить себя искусству красноречия, которое считал божественным промыслом, способным сделать разум «прекрасным и благородным» («Посольское слово к Юлиану»). Испытывая наслаждение от составления и произнесения речей, он уверовал в то, что наделен даром Гермеса, покровителя словесного искусства, которое «...делает незаметным незнатное происхождение, скрывает безобразие, охраняет богатство, полагает конец бедности, помогает городам к спасению всех, будучи полезнее оружия на войне и могущественнее всякой численности в битвах. Обладающие им нередко соперничают с прорицателями умением предвидеть будущее... Только тех, кто отличились в образовании, можно назвать и бессмертными, так как по естеству они умирают, но живут в славе своей» («Против бежавших»).

В 336 году вопреки желанию своих родных Либаний отправляется в Афины — столицу риторического мастерства. Ему было уже 22 года, и он чувствовал в себе призвание и способности для завершения риторического образования в Афинской Академии — крупнейшем центре высшего образования в Римской империи.

Профессия софистов тогда была почетной, хорошо оплачиваемой (aut. 41, 65). О многих профессорах красноречия ходили легенды, их имена были на слуху. «Рекламируя» свои таланты, преподаватели риторики часто совершали путешествия по городам империи. Их выступления, проводившиеся в театрах, собирали многочисленные аудитории, вдохновляемые красотой слова, роскошью ума, изяществом поз и жестов декламатора¹⁵. Среди слушателей могли оказаться восторженные юноши, очарованные искусниками красноречия, которые, превращаясь в свиту своего кумира, следовали за ним из города в город, а в начале учебного года записывались в число студентов этого ритора, закрепляясь за кафедрой, где тот постоянно преподавал.

Таким образом, каждый «абитуриент» сам выбирал себе наставника, руководителя в совершенствовании своего ораторского дара. Этот выбор, обусловленный славой и преподавательскими заслугами профессора, а также финансовыми возможностями родителей, определял в конечном итоге степень обладания профессиональным мастерством. Однако случались и непредвиденные обстоятельства, особенно если молодой человек стремился получить образование в Афинах. Здесь к IV веку появилась тенденция «вербовать» новых слушателей ритору, доходы которого зависели от количества обучавшихся у него студентов. В роли «вербовщиков» выступали студенты, уже имевшие опыт студенческой жизни. Перед началом учебного года они размещались на морском побережье, по дорогам и горным проходам, ведущим в Афины, и караулили «абитуриентов». Как только в порту появлялся корабль или на дороге

показывался экипаж, корпорации студентов, созданные по этническому принципу или по академическому (вокруг одного профессора), набрасывались на ожидаемых гостей, как на свою добычу. Они пускали в ход убеждения, лесть, угрозы и даже насилие — ради того, чтобы заполучить новых слушателей для тех преподавателей, которые уговорили их на эти мероприятия. Соперничество «вербовщиков» иногда заканчивалось драками. Таким образом, «абитуриент», бывало, став трофеем победившей студенческой группировки, вынужден был менять свои изначальные планы, приступая к обучению у того профессора, «партия поддержки» которого оказывалась физически сильнее.

Либаний по этому поводу вспоминает, что, когда он прибыл в Афины, его превратила в пленника «партия арабов». Студенты посадили Либания в чан и держали там до тех пор, пока он не согласился стать студентом профессора Диофанта из Аравии (aut. 15 — 17).

Либаний тяжело переживал унижение и насилие над его личностью. Обучение у Диофанта не приносило ему удовлетворения: уровень подготовки студентов был низким. С возмущением он пишет о том, что «власть над юношами захвачена людьми, недалеко от них ушедшими» (aut. 17). Редко посещая занятия профессора, Либаний занимался самообразованием, путешествовал по священным местам Греции, учился составлять и произносить речи. В отличие от многих своих сверстников, которые явились в Афины не только ради жажды образования, но также и за развлечениями, он вел скромный и достойный образ жизни, «сторонился от гульбы и товарищества тех, кто по ночам предпринимал походы на дома бедных» (aut. 22), не посещал гетер, не растрчивал семейного достояния. Он не принимал участия и в битвах афинских студентов, пускающих в ход камни и дубины, ради «поднятия дел у своих руководителей» (aut. 19).

Успехи Либания в учебе оказались замеченными, и в 340 году проконсул

Ахайи «признал его достойным кафедры в Афинах» (aut. 24). Эта фраза автобиографии Либания очень интересна. Она позволяет нам представить организацию процесса обучения в высших школах и механизм пополнения кадров преподавателей.

Афинская Академия превратилась в крупнейший образовательный центр империи, второй после Римского Атенеума, при императоре Марке Аврелии (161 — 180). «Философ на троне», представитель философского направления стоиков Марк Аврелий позаботился о превращении священной земли Афин в «мать наук», в главный оплот обучения философии и красноречию. В Афинской Академии действовали четыре философских отделения и кафедра риторики, где работали сначала два, затем три профессора риторики, которым город выплачивал жалованье в соответствии с распоряжением императора (Spartian. Hadr. 16, 18, 20). Превращение Академии в государственное высшее учебное заведение изменило порядок вступления в должность профессора, которую раньше достигали победители «конкурса вакансий». С конца II века императорская власть присвоила себе право назначения на оплачиваемые ею кафедры лиц по своему усмотрению, что стало широко практиковаться с этого времени. Император мог делегировать свои обязанности попечителя высшей школы доверенным лицам, местникам провинций — проконсулам, членам городского совета — муниципалам.

Из приведенной Либанием фразы о признании его достойным кафедры в Афинах прямо следует, что ему поступило предложение от проконсула Ахайи — так римляне называли покоренные ими земли Греции, превратив их в свою провинцию.

Либаний считает, что «почтение его должностью» на кафедре риторики является только его заслугой: это он, заботясь об удовлетворении потребностей души, стремящейся к усовершенствованию (aut. 26), работал без усталости: «сколько дней,

столько и трудов, кроме тех, которые посвящены были празднествам» (aut. 24). Никто не оказывал ему протекционных услуг. Из афинских профессоров, работавших в то время, только один был удостоен его похвал, но и он не мог ходатайствовать за Либания перед проконсулом, чтобы не лишиться себя средств к существованию.

Начало своей преподавательской карьеры в Афинах Либаний вспоминает неохотно. Его коллеги по кафедре, боясь конкуренции, строили ему козни, угрожали неприятностями перед властями, привлекали студентов для сведения с ним счетов (aut. 25). Хотя Либаний подробно не останавливается на этих эпизодах из своей жизни в автобиографии, привлекая другие источники, мы можем осознать, каким незаслуженным и унижительным наказанием мог быть подвергнут ритор, конкуренции которого опасались его «сослуживцы». Филострат и Евнапий, хорошо знакомые с атмосферой центров получения высшего образования, главным образом с Афинами, называют несколько форм сведения счетов с конкурентами из преподавательской среды: бойкотирование лекций, провоцирование студентов на непристойное поведение во время занятий и вне стен учебных заведений (например, оскорбительные прозвища в адрес преподавателя, погромы, избиение), вымышленные обвинения в покушении на убийство, доносы и клевета по поводу якобы безнравственной личной жизни профессора. Сам Либаний за многолетнюю педагогическую деятельность подвергался оговорам (aut. 98), вооруженным нападениям, судебным разбирательствам по сфабрикованным против него делам; с негодованием он обвиняет в безнравственности учителей, идущих на любые преступления, даже на подкуп учащихся, в борьбе за место официального преподавателя города (aut. 65–66, 68, 72, 74).

Опасаясь за свою репутацию, Либаний покинул Афины, отдав предпочтение профессии и жизни «странствующего»

софиста (aut. 29). Три года он проработал в Константинополе (ныне Стамбул), вступив в борьбу за свой «состав учеников» с профессорами Константинопольского университета, основанного в годы правления императора Константина (306–336). Пользуясь покровительством грамматика Никокла, наставника будущего императора Юлиана, он вскоре стал известным и популярным преподавателем, получая «кормление» от восьмидесяти студентов (aut. 98). Не без гордости за свои успехи на преподавательской стезе Либаний пишет в автобиографии, что те из молодых людей, которые «страстно увлекались конскими состязаниями и сценическими зрелищами, перешли на занятия красноречием», выбирая его, а не других риторов, работавших в новой столице империи, хотя один из них был направлен в город самим императором по ходатайству совета (aut. 35), другой, Бемархий, автор «Истории Константина», риторических упражнений и речей, был приближенным императора Констанция, что должно было поднять его авторитет в глазах горожан, родителей студентов.

Предпочтение Либания столь именитым и высокопоставленным риторам Константинополя — факт примечательный. Оно может подтвердить талант, знания, мастерство молодого преподавателя и объяснить неприязненное отношение к Либанию со стороны коллег по профессии, не напрасно обеспокоенных конкуренцией молодого софиста. Либаний, окрыленный своими успехами, вступил в борьбу за славу с официальными преподавателями города, одерживал победы в состязаниях риторов, переманивал студентов своих противников. Однако ему не удалось прочно обосноваться и в этом престижном для преподавательской карьеры месте. Зависть коллег, которым покровительствовал проконсул города, заставила Либания покинуть Константинополь в 342 году.

Сначала он принял предложение открыть свою школу, поступившее от жи-

телей Nikei. Либаний оставался в Nikee, по-видимому, очень недолго, так как не смог устоять перед более выгодными условиями работы в другом малоазийском городе Nikeomedii (Измите), курия которого ходатайствовала за него перед правителем Вифинии.

В Nikeomedii Либаний стал официальным ритором города, получая вознаграждение за свой труд из городской казны. Здесь, в Nikeomedii, возросла его слава как ритора и преподавателя. Без ложной скромности тщеславный Либаний пишет о непрерывных «цепях юношей» из многих областей и провинций Малой Азии, о расположении и любви обитателей города к нему (aut. 51). «Если кого-нибудь из них спросят тогда, что служит величайшим украшением города, можно было услышать, что это мои занятия в нем» (aut. 52).

Либаний много работал над техникой своих выступлений, занимаясь по ночам. Заботясь о содержательной стороне выступлений, он много читал и стал поистине богатым, получив в подарок от горожан «целую грудку книг» (aut. 53). Он произносил речи не только в курии или в театре, но, по просьбам собравшихся, даже в термах Nikeomedii. Народ цитировал его, и Либанию казалось тогда, что весь город был в его «распоряжении, подобно школе» (aut. 55). Когда в доме ритора произошла кража, горожане полностью компенсировали понесенные Либанием убытки (aut. 61).

В Nikeomedii он познакомился с будущими отцами восточной церкви — Василием Великим и Григорием Назианзином (Богословом); его занятия посещал Григорий Нисский; с лекциями и речами Либания знакомился будущий император Юлиан, находившийся в Nikeomedii в «почетном удалении» под надзором¹⁶.

«Официальное» признание таланта Либания как софиста было связано с панегириком в честь императоров Констанция и Константа, во время пребывания которых в Nikeomedii в 349 году было устроено состязание известнейших

ораторов. Либаний вышел из него победителем, хотя его соперником был придворный ритор Фемистий. Вскоре после этого триумфа последовал указ императора о переводе Либания на преподавательскую работу в Константинополь (aut. 74). Либаний был вынужден подчиниться и принять величайшую милость. За ним из Nikeomedii, как это часто бывало, последовали его ученики. Однако в Константинополе их количество резко убавилось. Одни, предавшись удовольствиям в столице, забросили учебу (aut. 76), другие направились в Афинскую Академию или Беритскую (Бейрутская) высшую юридическую школу. Вскоре у Либания осталось только его «звание». Материальное положение ритора улучшилось лишь после назначения проконсулом Константинополя финикийца Анатолия, который добился у императора выплаты вознаграждения преподавателю из императорской казны¹⁷.

В столице Либаний вновь познал успех как ритор и как преподаватель. Однако в целом обстановка угнетения в Константинополе, вновь обострившиеся конфликтные отношения с собратьями по профессии его угнетали. Признанию таланта Либания при дворе мешала его приверженность язычеству, что заставляло людей из ближайшего окружения к императорам-христианам относиться к профессору настороженно. Кроме того, семейные и хозяйственные дела, которые приходилось вести его матери, обстояли не лучшим образом. В 353 году во время каникул Либаний добился у императора отпуска (aut. 86) для посещения родной Антиохии. Город, «сильный множеством ученых» (там же), с восторгом встретил своего соотечественника. Выступление Либания в здании курии (городского совета) сопровождалось «неистовством», «всевозможными проявлениями восторга» (aut. 88). Либаний пишет о себе как о царе красноречия, покорившем родину, сравнивая себя с микенским басилеем Агамемноном, взявшим Трою (aut. 89).

Радужный прием и приглашение курии начать работать в Антиохийской высшей школе решили дальнейшую судьбу Либания. В 354 году через придворного врача¹⁸, своего друга, Либаний добывается высочайшего императорского разрешения оставить преподавательский пост в Константинополе и приступить к педагогической деятельности в Антиохии, соглашаясь даже на потерю содержания из императорской казны. Смерть Зиновия (aut. 100), одного из официальных антиохийских риторов, в прошлом учителя Либания, открывала ему доступ на кафедру риторики¹⁹, состоявшую из четырех человек и одного председателя (заведующего). С этого времени начинается второй, антиохийский период жизни Либания — 40 лет активной преподавательской деятельности, карьеры официального ритора города, адвоката.

Хотя Либаний предпочел преимущества статуса узкой привилегированной корпорации официальных (городских) риторов положению «странствующих» софистов²⁰, ему не удалось стереть из памяти те годы своей юности, когда он, оттачивая свое мастерство, приобретая профессиональные навыки, вырабатывая «модели» поведения, переезжал из одного центра гуманитарной образованности в другой. Фрагменты автобиографии профессора, посвященные этому отрезку его жизни, эмоционально окрашены и хорошо передают напряженную атмосферу жесткой конкурентной борьбы между риториками, в которую они вступали в погоне за славой и в надежде создать школу своих последователей.

Однако, в отличие от Либания, не все «странствующие» риторики стремились к обретению опеки со стороны государства, не торопились лишать себя свободы, в том числе свободы передвижения по бескрайним просторам империи.

Кого-то смущали сложные условия конкурсных отборов при замещении вакантных должностей в центрах обучения риторики, другие — боялись поражений в состязаниях за престижное место го-

родских риториков, количество которых было строго ограничено. Сложная психологическая среда в высших школах Римской империи — постоянные «схватки» с коллегами, безнравственные, беспринципные методы, которыми пользовались в борьбе за выживание самые опасные конкуренты — риторики-соперники — явно не способствовали желанию проститься с карьерой «странствующего» софиста, с которой было связано немало выгод и ожиданий. Богатство воображения, изящество слога, красота дикции, актерское мастерство позволяли софистам с легкостью находить новых поклонников красноречия, создавать многочисленные когорты постоянных слушателей, которые сопровождали их во время путешествий, поднимая своим присутствием авторитет софиста.

«Странствующие» софисты привносили динамизм и разнообразие в устоявшийся уклад жизни провинциального города. Состязания софистов, рецитации (публичные декламации) известных литературных деятелей, выступления официальных риториков в театрах, банях, на площадях превращались в столь же неотъемлемый атрибут культурного пространства города, как конные ристания, травля животных, гладиаторские игры. И те и другие, ставшие разновидностью развлечений, формой досуга, собирали и невежественную, и просвещенную аудиторию, желающую новых удовольствий, ярких ощущений, театрализованных действий, драматических эффектов.

В то же время следует обратить внимание на то, что, удовлетворяя гедонические потребности населения Римской империи, «странствующие» софисты одновременно формировали его эстетические вкусы, распространяли новые идеи, знакомили с литературной модой, новыми жанрами и стилями красноречия. Они, так же как Либаний, были способны понять духовные запросы молодежи и, разделяя ее планы и ценностные ориентации, определять жизненные перспективы и даже дальнейшую судьбу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 55.
- ² Культура Византии. IV в. — первая половина VII в. / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1984. С. 334.
- ³ Курбатов Г. Л. Указ. соч. С. 56.
- ⁴ Речи Либания перевел с греческого с примечаниями С. Шестаков. Т. 1 — 2. Казань, 1912 — 1916; Фрагменты автобиографии Либания под названием «Моя жизнь, или о моей судьбе» в переводе М. Грабарь-Пассек помещены в хрестоматии «Поздняя греческая проза». М., 1960. С. 581–587.
- ⁵ Речи Либания. Указ. соч. Т. 1. С. 3.
- ⁶ Там же. С. 2.
- ⁷ См., к примеру, *Сюзюмов М. Я.* Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. // Уч. записки Уральского гос. университета. Вып. 11. Свердловск, 1952; *Неронова В. Д.* Речи Либания как источник по истории кризиса поздней Римской империи // Уч. записки Пермского гос. университета. № 117. Пермь, 1964. Серия «Исторические науки».
- ⁸ См., к примеру, *Курбатов Г. Л.* К вопросу о «хулящих бога» и восстании 387 г. в Антиохии // Древний мир: Сб. статей, посвященный В. В. Струве. М., 1962; *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1972.
- ⁹ Культура Византии. Указ. изд. Гл. 7 «Риторика». С. 334–338.
- ¹⁰ *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийские портреты. Указ. соч. С. 52.
- ¹¹ Исключение составляет только монография И. В. Цветаева «Из жизни высших школ Римской империи» (М., 1902 г.), в которой автор ссылается на отдельные фрагменты автобиографии и речей Либания.
- ¹² См.: *Гордиевич О.* Высшее образование в Риме во времена императоров. Киев, 1894. С. 13: «Профессора красноречия назывались *rhetores*. В официальных документах преподаватели грамматических и риторических школ, получавшие жалованье от правительства, назывались *profes-sores*». С. 19: «Прослушать курс риторики значило получить вполне законченное высшее образование».
- Следует также отметить, что в поздней Римской империи, когда исчезло противостояние между философией и риторикой, понятия «софист» — учитель мудрости и «ритор» — учитель красноречия стали тождественными (Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под ред. Л. Георгиевского и др. Вып. III. СПб., 1884. С. 1155).
- ¹³ *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийские портреты. Указ. соч. С. 137.
- ¹⁴ Речи Либания. Указ. соч. Введение. С. V.
- ¹⁵ Более подробно о выступлениях софистов см.: Март К. Философы и поэты-моралисты во времена Римской империи. М., 1879. С. 225–237.
- ¹⁶ *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийские портреты. Указ. соч. С. 53.
- ¹⁷ Речи Либания. Указ. соч. Введение. С. XVII.
- ¹⁸ В 20 лет Либаний пострадал от удара молнии, после чего всю жизнь его мучили внезапные и тяжелые головные боли, сопровождавшиеся обмороками.
- ¹⁹ Речи Либания. Указ. соч. Введение. С. XXII.
- ²⁰ Преимущества статуса официальных риторов заключались не только в стабильном жаловании из муниципальной казны, но также и в освобождении от обременительных литургий, связанных с обеспечением финансового благосостояния городов, от военной и других повинностей, т. е. «от всякой службы и от всяких обязанностей» (Cod. Theod. XIII. 3, 1; 3, 3).

T. Perfilova

«TRAVELLING» SOPHISTS IN THE PROVINCIAL CULTURAL SPACE (LIBANIUS' BIOGRAPHY)

Libanius is a famous rhetorician and a professor of Oratory, the eminent writer of the IV-th century. His autobiography, orations, letters give to the scientists a unique information about the organization of the educational process in the higher rhetorical schools in the Oriental provinces of the Roman Empire: about the mechanism of achieving of the professor's chair, about recruiting new students, about the psychological atmosphere inside of the Higher school, about the attitude of the town-dwellers to the talented sophists, and about the higher level of education in general. This article is devoted to the first stage of Libanius' professional career, when he was a «travelling» rhetorician in such great cultural centres of the Roman Empire as Athens, Constantinople and others.